

когда автору было запрещено заниматься преподавательской и научной деятельностью. Первый том охватывал события детства, юности, учебы в Германии и Первую мировую войну, второй был посвящен событиям революции в России — Февральской и Октябрьской. По широте и глубине воссоздания культурно-исторической и религиозно-философской обстановки на рубеже веков, точности свидетельских показаний во время русских революций эти воспоминания не имеют себе равных. Автор предстает перед читателем то в образе тонкого беллетриста, то скрупулезного социолога, то умного, ироничного политика, то мудрого философа. Этот многоликий собеседник пытается разгадать «тайну России», увидеть в ее жизни «то бессмертное вечное, что не сбылось, не ожило: завещание грядущим дням и поколениям».

Соч.: Соч. М., 2000; Прошлое и будущее славянофильства // Северные записки. 1913. № 11; Из писем прапорщика-артиллериста. М., 1918; Жизнь и творчество. Берлин, 1929; Николай Переслегин. Париж, 1929; Встречи: Л. Толстой, И. Бунин, Н. Зайцев, В. Иванов, А. Белый, Л. Леонов. Мюнхен, 1962; Лит.-критические статьи / вступ. статья М. Фридендера // Русская литература. 1989. № 3; Б. Л. Пастернак / вступ. заметки и публ. К. М. Поливанова // Лит. обозрение. 1990. № 2; Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995; Идея России и формы ее раскрытия // Октябрь. 2001. № 6.

Лит.: Чижевский Д. И. Речь о Степуне // Новый ж. Нью-Йорк. 1964. Кн. 75; Штаммлер А. Ф. А. Степун // Там же. 1966. Кн. 82; Русская религиозно-философская мысль XX века. Питсбург, 1975; Исупов К. Роман Ф. Степуна «Николай Переслегин» в истории отечественного эстетизма // Тезисы межвузовской науч. конференции, посвященной 120-летию И. А. Бунина. Елец, 1990; Ермичев А. А. Степун-философ // Ступени. СПб., 1991. № 2; Шапошников Л. Е. Русская религиозная философия XIX–XX веков. Нижний Новгород, 1992; Философы России XIX–XX столетий. М., 1993; Пирожкова В. Несколько слов о моем учителе // Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 629–645; Архипов Ю. О книге Федора Степуна «Бывшее и несбывшееся» // Там же. С. 646–650; Соболев А. В. Степун Ф. А. // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 637–638; Ки Бэ Квон. Философия войны в прозе Ф. А. Степуна и Л. Н. Андреева // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам. Орел, 2001. Вып. 2; Кантор В. Федор Степун и большевистское имяславие // Вопр. лит.-ры. 2005. № 1.

Т. М. Вахитова

СТРАТАНОВСКИЙ Сергей Георгиевич [5.12.1944, Ленинград] — поэт, эссеист, историк лит.-ры.

Отец С.— Георгий Андреевич Стратановский, филолог-классик, переводчик Геродота, Фукидида, Иосифа Флавия и др. Мать — Ольга Сергеевна Заботкина, преподаватель французского, переводчик Сен-Жюста и др. Стихи С. начал писать в школе, посещал руково­димый Н. И. Грудиной лит. клуб при ленинградском Дворце пионеров, где познакомился и подружился с В. Б. Кривулиным. В 1963 поступил на французское отделение Ленинградского ун-та, но затем перешел на русское, которое и окончил в 1968. В ун-те стихов не писал, занимался у В. Я. Проппа, Б. Ф. Егорова, а затем в блоковском семинаре Д. Е. Максимова. По окончании ун-та вновь начал писать стихи, работая экскурсоводом во Всесоюзном музее А. С. Пушкина, в Пушкинском заповеднике Псковской области и др. С 1983 — библиограф Российской национальной библиотеки.

Поэтическая биография С. определилась двумя факторами: бурной «пражской весной» 1968 и великолепием былой царско-сельской культуры, на фоне которой эта «весна» переживалась. В разных модификациях, но эта антиномичность — культурного богатства и исторической нищеты, интеллектуального порыва и рутинной психологии, высокого мифотворчества и лубочной картинности и т. п.— есть тема, содержание и порожденная ими эстетика стихов С. Особенность его поэзии заключается в том, считает К. М. Бутырин, что «...она и интеллектуальная, „ученая“, и уличная (но не богемная!)...»

После ун-та поэзия вновь стала главенствующим содержанием жизни С. Начав посещать лит. объединение при СП, руководимое Г. С. Семеновым, он нашел в нем мн. будущих товарищей по цеху, с которыми и связал лит. судьбу — с тем же Кривулиным, Тамарой Буковской, Михаилом Гурвичем (Ясновым), Еленой Игнатовой, Борисом Куприяновым, Олегом Охупкиным, Еленой Пудовкиной, Татьяной Царьковой, Петром Чейгиным, Виктором Ширали и др. К этой же группе, составившей в начале 1970-х ленинградский поэтический андеграунд, можно отнести еще нескольких поэтов, в первую очередь Елену Шварц, с которой С., сохраняет творческие отношения по сей день.

В 1970-е С. активно публикует стихи в возникших тогда самиздатских ж. «37», «Часы», «Северная почта» и др., а с 1980 вместе с Бутыриным начинает издавать ж. «Диалог» (вышло 3 номера) и затем «Обводный канал» (с 1981 вышло 18 номеров, и формально это издание не закрывалось до наших дней). Была напечатана подборка его

стихов и в парижском альм. Михаила Шемякина «Аполлон-77» (1977). На родине стихи С. в официальной печати появились в 1985 — в составе коллективного сб. «Круг» (Л.: Советский писатель). Издание это явилось компромиссным детищем ленинградского андеграунда и официальных структур, под эгидой которых был создан «Клуб-81», вобравший в себя мн. литераторов «второй культуры», членом которого был также С. Все же большая часть стихов С. до начала 1990-х печаталась в заграничной русскоязычной прессе. Уже тогда их стали переводить на др. яз.

Между тем как раз вскоре после первой публикации на родине С. вновь прекращает писание стихов. Начиная с 1986 и до начала 1990-х из-под его пера появилось, кажется, лишь несколько строчек.

В стихотворной практике С. далек от традиционализма, не будучи в то же время, что очень существенно для понимания природы его поэзии, сторонником авангардистских, тем более пост-постмодернистских, крайностей. Ему чуждо понимание искусства как иронической игры со знаками культуры. Искусство — и прежде всего поэзия — имеет, полагает С., прямое отношение к онтологическим ценностям человеческой жизни: к любви, к радости, к горю, к вере и неверию. Стих представляется С. неким цветком в захолустье, диковинной красоты существом, вяже растущим и крепнущим на глазах читателя. Поэт «обманывает» его привычные ожидания, но показывает ему не какую-то химеру, не эпатажирующую «подробность», а новую, не менее внятную, чем утвердившаяся в нашем сознании, реальность: «Мне цыганка-рябина / Милей хоровада берез / Их славянский наркоз / Снимет боль, но не вылечит сплина / А рябина целит / Зрелой яростью ягод кровавых / И по селам царит / И цыганит в дубравах» (1981). В дальнейшей стихотворной практике у С. еще сильнее, чем в этом примере, в зависимости от содержания меняется строчечный ритм, то исчезает, то вновь появляется рифма, зияют пробелы в пунктуации или, наоборот, речь становится насыщенной графическими символами...

Рассматривать явление С. как плод, произвольно сорванный с какой-либо лит. яблони, затруднительно, ибо его эстетика отрицает «школу» во имя утверждения творческой индивидуальности поэта. Конечно, всякий настоящий художник в конце концов «школу» преодолевает. Но здесь мы сталкиваемся с уникальным случаем принципиальной внесистемности собственно стихотворного метода — при очень явственной чуткости

поэта к культурным явлениям, к истории культуры в целом. Можно сказать, что философский мир Григория Сковороды и Николая Федорова, проза Николая Гоголя и Андрея Платонова, беседы с близким в молодости по духу Кириллом Бутыриным повлияли на поэзию С. больше, чем самые значительные из стихов его предшественников и современников. Разумеется, и собственно стиховая переписка С. с державинским «металла звоном», с лермонтовским «непроходимых мук собором», с хлебниковской «нагой свободой» или с мандельштамовской «шестипалой неправдой» налицо во мн. его текстах. Но это в большей степени обычная культурная рецепция, продиктованная очень культурной памятью С., чем развитие или преодоление чьей-то поэтики.

Бутырин замечает: С. — «...поэт, мыслящий, не метафорами и символами, а мифами». Метафоры и символы в поэзии С., конечно, присутствуют — и в немалой степени. Смысл приведенного суждения в том, что метафоры эти и символы не служат С. сокровенным орудием осовременивания стих., насыщения его аллюзивным подтекстом, столь распространенным у авторов равно печатавшихся и не печатавшихся во времена «застоя». Так, например, в самой известной вещи С. советского периода, поэме «Суворов» (1973), многие видели чуть ли не прямое переложение старой истории на новый лад, «подарок» к 5-й годовщине вторжения советских войск в Прагу. Сюжет поэмы на такую трактовку едва ли не наталкивает: в ней речь идет о взятии русскими войсками Праги, предместья Варшавы, во время восстания Костюшко. Конечно, и сам поэт не мог не понимать, что политическая трактовка поэмы возможна. Но именно этим обстоятельством он и пренебрег — весьма демонстративно написав о культе героя и героического в любой из моментов истории. Так что, осовременивая поэму, найдешь в ней смысл скорее «мракобесный», чем «крамольный»: покоритель Праги представлен тут «российским Марсом» и «полночных стран героем». Впрочем, самое пылкое воображение вряд ли найдет Суворова среди «водителей масс» 1968.

Миф рассматривается у С. всегда двуедино — и с точки зрения его создавших, и с точки зрения от него потерпевших. Эта амбивалентность выражена в «Суворове» прежде всего. И тут же подытожена: «Суворов спит в могиле бранных снов, / В сиянии покоя, / А дух его парит, преступный дух героя / И кавалера многих орденов».

Из того, что С. «мыслит мифами», вывода о его собственном «мифотворчестве» совсем не следует. «Мифологию» он скорее дискредитирует. Во всяком случае, «современную мифологию». Лирический субъект этой поэзии — человек бунтующего сознания. Не отождествим этого субъекта с автором по одной простой причине: он не ведает об оборотной стороне чеканящейся медали, не знает, что неповторимость стиху придадут авторские обертоны, а не его воспроизведенный голос.

Остережемся говорить об иронии С. Если она и наличествует, то как способ преодоления иронии же. То есть как способ защиты сюжетов и тем, о которых принято говорить с иронией. Очень ответственное эстетическое кредо С. сводится к желанию обнаружить неведомое в пошлом, истинное в банальном, к попытке раскрыть ходульное выражение как лирическое. Это своего рода «остранение»: на мгновение показав привычную вещь с необычной стороны, поэт все же доказывает, что и в демонстрации примелькавшегося фасада остается свой немалый смысл.

Особенно после выхода первой книжки в 1993 лирика С. превращается в пестрое собрание причудливых изрзцов. Именно их разнообразие подчеркивает их типологическое сходство. Достаточно двух примеров из книги С. «Тьма дневная» (2000), чтобы представить вяже, о чем идет речь: «Вот Павка Чичиков — / вчера партаппаратчик / Теперь хозяин фирмы по продаже / Российских голых душ / в лимонный Сингапур» (С. 15). И — не менее характерный образчик: «Вот премьера балета / „Загадочный Логос-Христос“ / Пляска голой Марии / с добавкой мистических поз / Вихрь апостолов, поступь Пилата / Взрыв театра в финале, / подготовленный сектой подпольной / Христиан-террористов» (С. 32).

Вот и в последней книге, «Рядом с Чечней», «действие» воссоздано пунктиром по мифу о Пхармат-Прометее. Лирическим жанром, стихами, заколоченными в строфы-гробы, С. пренебрег окончательно. Зачем ему они после «Уединенного», после «Опасших листьев»? Розанов — вот кто для него поэт, метафизики сладкой, поденной, ее выдумщик и образец. Хоть и знали мы все это давно, «Апокалиписис мимолетный» только у С. получился. Верим: и он не конец. Потому что «стихи не о любви» у С. звучат проникновеннее иной «любобной лирики».

Соч.: Стихи. СПб., 1993; Тьма дневная. М., 2000; Niedaleko od Czechenii. Podkowa Lesna, 2001; Рядом с Чечней. СПб., 2002; Что такое русофобия? // Звезда.

1990. № 4; Поэт и революция: Опыт совр. прочтения поэмы А. Блока «Двенадцать» // Звезда. 1991. № 11; Религиозные мотивы в совр. русской поэзии // Волга. 1993. № 4–6, 8; «Нацелясь на смерть»: Об одном стихотворении О. Мандельштама // Звезда. 1998. № 1.

Лит.: Мамонтов К. [Бутырин К.] О стихах Сергея Стратановского // Обводный канал [машинописный ж.]. СПб., 1981. № 1; Крейд В. Стратановский и ленинградская поэтическая школа // Новый ж. Нью-Йорк. 1984. Кн. 155; Stevanovic B., Wertsman V. Free voices in Russian literature 1950–1980: Biobibliographical Guide. New York, 1987; Кривулин В. «Клянущие метафизики» и «девкатупия» // Канун: Русские утопии. СПб., 1995; Кривулин В. Сергей Стратановский: К вопросу о петербургской версии постмодерна // Новое лит. обозрение. 1996. № 19; Дмитриев В. Авангардисты седьмого дня и поэт Стратановский // Звезда. 1997. № 9; Елисеев Н. Клерк-соловей // Вопр. лит-ры. 2000. № 5.

А. Ю. Арьев

СТРИЖЁВ Александр Николаевич [12.8. 1934, с. Тарадеи Шацкого р-на Рязанской обл.] — прозаик, литературовед, издатель.

Родился в крестьянской семье с крепкими православными традициями. После окончания сельской семилетки учился в Москве. В 1958 окончил Редакционно-издательский ф-т Полиграфического ин-та; в 1965 — биологический ф-т сельхозинститута. С 1959 по 1994 работал в Аграрном изд-ве.

С детства полюбил книгу, увлекался поэзией Некрасова, Никитина, Кольцова. Стихи начал писать еще в школьном возрасте, публиковался в студенческих многотиражках. 11 сент. 1964 в областной газ. «Ленинское знамя» появилась первая заметка С. о природе, и с этого времени С. — постоянный автор рубрики «Заметки фенолога» в московских газ. «Такого в нашей стране еще не было: со страниц газет полилась жизнь живая, с народной мудростью, с горестями и радостями, запечатленная бесчисленными поколениями „в седом слове“. Впервые вышли из тьмы забвения святцы, православные праздники, народное счисление времени» (Тукмаков Д.). За двадцать лет С. опубликовал более трех тысяч материалов, вызвавших широкий интерес читателей. Начиная с 1966 в течение 16 лет вел в ж. «Наука и жизнь» рубрики «Народный календарь», «Русское разнотравье». В 1968 вышел «Народный календарь», в 1971 — один из главных трудов С., «Календарь русской природы», воплотивший религиозно-философскую картину мира. Не имея возможности открыто исповедать свое мировоззрение в условиях идеологического запрета, С. избрал форму «фено-